

12+

СПИСАНИЕ ЖИЗНИ

ENCHANTING
PENELOPE

Penelope Enchanting

Списание жизни

«Издательские решения»

Enchanting P.

Списание жизни / P. Enchanting — «Издательские решения»,

Что может случиться, если обычный студент найдет странное заклинание в книге по математическому анализу? Ведь магии не бывает, правда же? Ну, право слово, в нашем материалистическом мире, заклинание это просто слова, сразу же видно, что это просто шутка предыдущего владельца учебника, ведь так?

© Enchanting P.

© Издательские решения

Содержание

СПИСАНИЕ ЖИЗНИ	6
Пролог: Салфетка, или как не читать мелкий шрифт	6
СПИСАНИЕ ЖИЗНИ	10
Глава 1: Студент, хомяк и украденные годы	10
СПИСАНИЕ ЖИЗНИ	17
Глава 2: Инвентаризация бессмертных активов	17
СПИСАНИЕ ЖИЗНИ	21
Глава 3: Медузы, акулы и прочий брак	21
СПИСАНИЕ ЖИЗНИ	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Списание жизни

Penelope Enchanting

Иллюстратор ArtDragonGift

© Penelope Enchanting, 2026

© ArtDragonGift, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0071-0919-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СПИСАНИЕ ЖИЗНИ

Пролог: Салфетка, или как не читать мелкий шрифт

1987 год, общежитие МГУ, комната 413. Третьекурсник физфака Владимир Зацепин сидел за столом, обложившись учебниками, и пытался понять, какого чёрта интеграл по замкнутому контуру не хочет браться, а экзамен — через три дня.

Учебник по матанализу он купил вчера на «Птичке» за три рубля. Продавец — синеватый старичок с трясущимися руками — уверял, что книгу «ещё сам Ландау читал». Зацепин в это не поверил, но три рубля за книгу 1978 года издания с целым корешком — это была сделка.

Вечером, перелистывая страницы в поисках главы про ряды Фурье, он заметил, что между страниц торчит край клетчатой бумаги. Салфетка. Столовая, в клеточку, с пятном от борща на углу. Зацепин усмехнулся — кто-то использовал книгу вместо пресс-папье. Он потянул за уголок, и салфетка выскользнула на стол.

Он развернул её.

— «Ритуал вызова фамильяра для улучшения когнитивных способностей», — прочитал он вслух и фыркнул. — Идиоты. В учебник по матану салфетку с заклинанием подложили.

Он хотел выбросить её, но рука замерла. Схема расположения свечей на салфетке была вычерчена не абы как. Четыре точки — не по углам квадрата, а по углам тетраэдра, спроецированного на плоскость. Расстояния между точками были указаны с точностью до миллиметра. Текст был не «абракадаброй», а последовательностью символов, которая напоминала систему уравнений — со структурой, с коэффициентами, с логикой.

Зацепин — физик. Он привык, что за каждой формулой стоит смысл. И эта «формула» на салфетке имела смысл. Не магический — математический. А математика, как он знал, описывает реальность. Даже ту реальность, в которую не принято верить.

Он посмотрел на дверь. Сосед уехал на выходные. В коридоре тихо. Время — час ночи. Такая тишина располагает к глупостям. Особенно если ты — физик, а на столе перед тобой лежит математически выверенная инструкция к тому, чего быть не может.

— Любопытно, — сказал он себе.

Он поднялся, подошёл к тумбочке и выдвинул ящик. Там лежали четыре свечи — хозяйственные, парафиновые, такие продавались в любом магазине по двадцать копеек штука. Мать сунула их в сумку «на случай, если свет отключат», и они пролежали нетронутыми полгода.

Зацепин расставил их по схеме. Четыре точки на столе — он измерил расстояния линейкой. Сошлось до миллиметра. Он проверил ещё раз. Сошлось.

— Ладно, — сказал он. — Просто проверка гипотезы.

Он зажёл свечи. Спичка чиркнула, и первый огонёк вспыхнул ровно, без копоти. Второй, третий, четвёртый. Четыре огня в третьем часу ночи. Комната наполнилась тёплым жёлтым светом. Зацепин взял салфетку и начал читать.

Язык он не знал. Смесь латыни, древнегреческого и чего-то, что звучало как... как система команд. Произношение было написано русскими буквами, так что он просто читал по слогам, как школьник у доски.

— «А-стра-мор-тум... ви-вен-ти-ум... кон-трак-тус...»

На третьей строке он запнулся. В комнате стало очень тихо. Не «тихо, потому что соседи спят» — а вакуумно тихо. Храп за стеной исчез. Стук вентиляции исчез. Даже собственное дыхание казалось приглушённым.

Зацепин поднял голову. Свечи горели ровно. Без копоти — хотя парафиновые свечи всегда коптят. Это он знал точно — физик, в конце концов.

Он продолжил.

— «Мор-та-лис... кон-си-ли-ум... пре-скрип-тум...»

Седьмая строка. В висках появилось давление. Тупое, нарастающее. Как будто кто-то аккуратно, но настойчиво пытался открыть его черепную коробку изнутри.

— Мигрень, — сказал он себе и продолжил.

Десятая строка. Зацепин поднял глаза от салфетки и замер.

Пламя свечей горело зелёным.

Не жёлтым. Не оранжевым. Спокойным, ровным, синевато-зелёным — таким же цветом светятся ртутные лампы в коридорах института. Но свечи не могут гореть зелёным. В парафине нет соединений, дающих зелёный спектр. Это физика.

А физика не врала.

Зацепин замолчал. В комнате стало холодно. Не как от сквозняка — холод пришёл изнутри, из воздуха, который вдруг стал плотным, тяжёлым, как вода. И в этой плотности, в этом тяжелом воздухе, было что-то живое.

Он чувствовал это. Не кожей — затылком. Как будто кто-то стоял у него за спиной и смотрел на текст через его плечо.

Текст. Он посмотрел на салфетку. До конца оставалось пять строк. Пять строк, и последняя была подчёркнута двумя линиями. Подпись.

Страх пришёл не постепенно — ударом. Холодный, липкий, из солнечного сплетения. Зацепин отдернул руки от салфетки, как от горячей сковородки.

— Да ну тебя, — сказал он вслух.

И задул свечи. Все четыре — разом, ладонью смахнул пламя. Зелёный свет погас, и комната утонула в темноте, которую разбавлял только тусклый фонарь за окном.

Он сидел в темноте, тяжело дыша. Сердце колотилось где-то в горле.

— Самовнушение, — сказал он громко, чтобы убедить себя. — Я устал. Экзамен. Нервы. Вот и всё.

Он засунул салфетку обратно в учебник. Туда же, между теми же страницами. Закрыв книгу. Убрал свечи в ящик. Лёг в кровать.

Но уснуть не мог. В висках пульсировало. В ушах звенела тишина. А перед глазами всё ещё стоял зелёный огонь — ровный, неестественный, невозможный.

— До экзамена ещё три дня, — сказал он в потолок. — Спать.

Экзамен он сдал на пятёрку.

Профессор, пожилой мужчина с внимательными глазами, долго рассматривал его работу, перелистывал страницы, хмыкал, и наконец сказал:

— Неожиданно. Вы решили задачу повышенной сложности методом, которого нет в программе. Где вы его взяли?

— В учебнике, — честно ответил Зацепин.

— В каком?

— Том, что на «Птичке» купил. За три рубля.

Профессор хмыкнул ещё раз, но пятёрку поставил.

Зацепин вышел из аудитории и остановился в коридоре. Только тут до него дошло: он не готовился. Совсем. Не открыл учебник после той ночи. Просто пришёл, сел и написал. И написал правильно.

Он помнил всё. Каждую формулу. Каждое условие. Каждое число. Он помнил даже страницы, которые мельком видел, перелистывая книгу в поисках салфетки. Текст, который он читал при зелёном свете свечей, отпечатался в памяти так, будто он учил его годами.

— Этого не может быть, — сказал он вслух. Студенты, проходящие мимо, покосились на него, но ничего не сказали — физфаковцы и не такое бормочут после экзаменов.

На следующий день он проверил. Открыл учебник на любой странице — и понял, что уже знает её содержание. Закрыв книгу и пересказал страницу слово в слово. Открыл — сошлось.

Он проделал это десять раз. Сходилось десять раз из десяти.

Ритуал сработал.

Не до конца — он не вызывал никакого фамильяра, не подписывал контракт, не чувствовал в комнате ничего, кроме запаха парафина и собственного страха. Но часть ритуала — та, что отвечала за память и когнитивные способности, — включилась. Как будто система приняла его заявку, обработала, но не выставила счёт.

Он сидел за столом, смотрел на учебник и думал. Выбросить? Нельзя — кто-то найдёт салфетку и повторит ритуал. Сжечь? Не поднялась рука. Оставить на виду? Значит, рано или поздно он не выдержит и дочитает до конца.

Он посмотрел вниз. Пол в общежитии был старый, дощатый, крашенный голубой краской. У плинтуса одна доска чуть выступала — он заметил это ещё в первый день заселения, но забыл.

Зацепин поддел доску ножом. Она поднялась. Под ней — чёрная пустота, пыль и чей-то забытый носок 1978 года выпуска.

Он завернул учебник в газету — «Московский комсомолец» за прошлую среду. Сунул свёрток в щель. Опустил доску на место. Прижал ногой. Доска легла ровно — не отличишь.

— И ладно, — сказал он. — Пусть лежит.

Он выпустился через два года. Уехал из общежития, защитил диплом, поступил в аспирантуру, женился, защитил кандидатскую, потом докторскую. Жизнь шла своим чередом.

А учебник лежал под половицей.

Студенты въезжали и выезжали. Комнату 413 перекрашивали, переклеивали обои, меняли окна. Но пол — старый, советский, дощатый — никто не трогал. Доска так и осталась чуть выступать у плинтуса.

Тридцать пять лет.

А потом — капитальный ремонт.

Но связь — та, что установилась в ту ночь между ним и тем, что стояло за текстом на салфетке, — не прервалась. Память осталась. Безупречная, как откалиброванный прибор. Он помнил всё, что читал. Каждый день. Каждый учебник. Каждую статью. Каждую формулу, мельком увиденную в чужой диссертации.

Это пугало его сильнее, чем зелёные свечи.

Потому что зелёные свечи можно объяснить самовнушением. А идеальную память, которая работает тридцать пять лет подряд, — нельзя.

СПИСАНИЕ ЖИЗНИ

Глава 1: Студент, хомяк и украденные годы

— Шестьдесят рублей, — сказала женщина с таким видом, будто вручала мне Нобелевскую премию, а не потрепанный учебник матанализа выпуска 1978 года.

— Шестьдесят? — переспросил я, крутя книгу в руках. Обложка держалась на честном слове и синей изолянте. — Тут даже библиотечный штамп не вычеркнут. Его ещё в прошлом веке потеряли.

— Это раритет, — не моргнув глазом заявила женщина.

— Раритет — это первое издание «Войны и мира». А это — книга, которую читали в туалете три поколения студентов. Я вижу пятно от борща на странице сто двадцать три. И, простите, от книги пахнет подвалом.

— Тридцать лет лежала, — сказала женщина. — Под половицей в общежитии нашли, когда ремонт делали. Думали — клад. А там — учебники.

Я хмыкнул и открыл книгу наугад. Из-за обложки выскользнул край старой газеты. «Московский комсомолец», 1987 год. Кто-то завернул книгу в газету, как в обёртку, и спрятал. И забыл на тридцать семь лет.

— Сорок рублей, — сказал я.

— Пятьдесят.

— Сорок пять.

— По рукам.

Я отсчитал мятые купюры. Деньги таяли быстрее, чем надежды сдать сессию автоматом. Мать выслала триста рублей на «учебники и питание». Сто сорок уже ушли на тервер и аналитическую геометрию. Сорок пять — на этот подержанный матанализ. На питание оставалось пятнадцать рублей.

Я купил пирожок с картошкой за восемь и поехал в общагу.

Вечером, оставшись один — Колян укатил к девушке, — я разложил книгу на столе и принялся листать. Пахло сыростью, старым клеем и ещё чем-то, чему я не мог подобрать названия. Чем-то, что не выветрилось за тридцать семь лет под половицей.

На полях встречались надписи шариковой ручкой: «Дурак тот, кто не учит матан» — и ниже, другим почерком: «Сам дурак, интеграл на стр. 43 взят неверно». Я усмехнулся — студенты всех поколений одинаковы.

Перелистнув ещё немного, я заметил, что между страниц торчит уголок клетчатой бумаги. Не газета. Салфетка. Столовая, в клеточку, с пятном от борща на углу — таким же, как на странице 123, только старше.

Я развернул её.

«Ритуал вызова фамильяра для улучшения когнитивных способностей и внешнего хранения данных. Примечание: работает только в мирах с низким магическим фоном. Гарантия не предоставляется».

Я фыркнул. Кто-то пошутил — подложил первокурсникам сюрприз. Почерк был аккуратный, химическим карандашом, с математической точностью. Схема расположения свечей вычерчена не на глаз — с размерами, с углами, с допусками. Четыре точки — не по углам квадрата, а по вершинам тетраэдра, спроецированного на плоскость.

Я — физмат. Я знаю, как выглядят любительские каракули. Это были не каракули. Это был чертёж.

Внизу, мелким шрифтом: «Оплата: пропорционально объёму запрашиваемых ресурсов. Рекомендуется использовать не более десяти процентов резерва».

Что такое «резерв», не уточнялось. Но слово «рекомендуется» в инструкциях обычно означает «мы тебя предупредили, а ты делай что хочешь».

Я положил салфетку на стол и уставился на неё.

В голове крутилось: «Это бред. Это чья-то шутка. Ты — студент физмата, сдавший профильную математику на девяносто шесть баллов. Ты не веришь в магию».

Но чертёж был точным. Текст имел внутреннюю структуру — не «абракадабра», а система с коэффициентами и переменными. А газета 1987 года, в которую кто-то завернул эту книгу, чтобы спрятать на тридцать семь лет, — не давала покоя.

Зачем прятать учебник под половицей, если в нём нет ничего особенного?

Я посмотрел на дверь. В коридоре тихо. Коляна не будет до утра. Свечи у меня были — мать сунула в сумку «на случай, если свет отключат», четыре штуки, хозяйственные, парафиновые.

Я снова посмотрел на салфетку.

— Любопытно, — сказал я себе.

И это слово решило всё.

Я расставил свечи по схеме. Четыре точки на столе — измерил расстояния линейкой, как было указано на салфетке. Сошлось до миллиметра. Вместо алтаря — письменный стол. Вместо магического круга — нарисованная циркулем окружность на листе А4.

— Если кто-то узнает, — сказал я себе, — меня отчислят за идиотизм.

Я зажёл свечи.

Парафиновые свечи горят с копотью, жёлтым, неровно — я знал это из школьного курса физики. Но эти четыре свечи горели ровно. Без копоти. Пламя стояло вертикально, не колеблясь, хотя из окна тянуло сквозняком.

Я взял салфетку и начал читать.

Язык напоминал смесь латыни с чем-то, что бывает, если удариться мизинцем об угол тумбочки — но произношение было написано русскими буквами, так что я просто читал по слогам.

— «А-стра-мор-тум... ви-вен-ти-ум... кон-трак-тус...»

На третьей строке в комнате стало тихо. Не «тихо, потому что соседи спят» — а вакуумно тихо. Храп за стеной исчез. Вентиляция за окном исчезла. Даже лампочка под потолком перестала гудеть.

Я продолжил.

— «Мор-та-лис... кон-си-ли-ум... пре-скрип-тум...»

Седьмая строка. В висках появилось давление. Тупое, нарастающее, как будто кто-то аккуратно, но настойчиво пытается открыть череп изнутри.

Десятая строка. Пламя свечей изменило цвет. С жёлтого на зелёный. Ровно, без перехода. Синевато-зелёный, как ртутная лампа.

— Ну ничего себе, — сказал я вслух.

И дочитал до конца.

Последнее слово. Последняя буква. Я поднял голову.

Свечи горели зелёным. В комнате было холодно. Воздух стал плотным, как вода. И в этой плотности кто-то был.

Я почувствовал это затылком — взгляд. Не злой, не добрый. Оценивающий.

— И всё? — спросил я у пустоты.

И тут я заметил хомяка.

Он сидел на моём учебнике по линейной алгебре. Рыжевато-серый, круглый, с блестящими глазками-бусинками. Обычный хомяк. Откуда он взялся в общежитии на пятом этаже, я понятия не имел.

— Ты кто? — спросил я осторожно.

Хомяк открыл рот. Я приготовился услышать писк. Вместо этого он сказал — очень чётко, с лёгкой хрипотцой:

— А ты как думаешь? Зубная фея?

Я моргнул.

— Ты говорящий хомяк.

— Я демон, — поправил хомяк. — Просто сейчас я в этой форме. Временно. Скажем так, это корпоративный дресс-код для фамилльяров при работе в мирах с низким магическим фоном. Называй меня Вел.

— Вел? — переспросил я. — Сокращённо от?

— От Вельзевул, если тебе так легче. Но Вел короче, а я ценю эффективность.

Хомяк перебрался на край стола и сел, сложив передние лапки на животе. Выглядело это так, будто он собирается читать лекцию.

— Итак. Ты провёл ритуал. Теперь я твой фамилльяр. Технически — внешнее хранилище данных с интерфейсом прямой нейронной связи. Хочешь проверить?

— Проверить?

— Открой учебник. Любую страницу.

Я раскрыл матанализ на сорок третьей, где был тот самый интеграл, который я мучительно учил неделю назад. Прочитал условие — и вдруг понял, что помню не только условие, но и решение. Чётко, пошагово. И следующую тему. И формулу из третьей главы, которую я вообще пропустил.

— Я всё помню, — сказал я.

— Ну да. Это буквально моя работа. — Вел зевнул, демонстрируя мелкие острые зубы. — Я не просто хранилище. Я оптимизатор когнитивных процессов. Твоя память теперь работает как поисковик — только без рекламы и без сбора данных.

Он помолчал. Посмотрел на меня. В его глазках-бусинках мелькнуло что-то, похожее на... сожаление?

— Теперь о главном, — сказал Вел. — Давай поговорим об оплате.

— Оплата, — повторил я. Внутри похолодело. — Там было написано про «резерв».

— Резерв жизненной энергии, — спокойно сказал хомяк. — Ты — человек. У тебя нет магического резерва в классическом смысле. У тебя есть жизненная энергия. Время, которое тебе отмерено. Ритуал списал часть твоих лет в счёт предоставленных услуг.

— Сколько? — спросил я. Голос сел.

— Триста сорок два месяца. Если считать в человеческих единицах.

Я попытался поделить в уме. Триста сорок два месяца — это...

— Двадцать восемь с половиной лет.

— Почти двадцать девять, с учётом високосных, — уточнил Вел. — А поскольку на момент подписания договора твой биологический резерв составлял примерно тридцать пять лет...

— Минуточку, — перебил я. — Мне двадцать. У меня в запасе, по статистике, лет пятьдесят—шестьдесят.

— По статистике среднестатистического человека, — поправил Вел. — А ты, прости за прямоту, не среднестатистический. Ты из малообеспеченной семьи: дешёвая некачественная еда в детстве, фастфуд вместо нормальной еды, плохая экология и наследственная предрасположенность к сердечно-сосудистым заболеваниям. Твой резерв — около тридцати пяти лет. Семь из которых ты уже использовал. Осталось двадцать восемь. А ритуал списал двадцать девять.

Я молчал.

— То есть, — произнёс я наконец, — мне осталось жить... минус год?

— В грубой оценке. Технически ты сейчас в минусе. Но не волнуйся, я забираю энергию постфактум. Ты умрёшь не мгновенно, а примерно через четыре—шесть лет, когда накопится долг. Организм просто начнёт быстрее стареть. Почти незаметно. Поначалу.

Я сел на кровать. Хомяк смотрел на меня с выражением, которое можно было назвать сочувственным, если бы это был не демон, укравший у меня почти всю жизнь.

— Зачем ты мне это говоришь? — спросил я тихо.

— Потому что есть лазейка, — сказал Вел. — В каждом контракте есть лазейка. Базовая страховая грамотность. Ты не прочитал мелкий шрифт. А он там есть. Полный текст на обороте салфетки.

Я перевернул салфетку. Там, ещё более мелким почерком, было написано:

«В случае невозможности выполнения обязательств фамилльяр может быть передан другому лицу или существу путём расторжения текущего контракта и перезаключения одного

с новым носителем. Передача возможна единожды. Внимание: существо-приёмник должно обладать резервом жизненной энергии не менее 1000 лет для бесшовной стыковки контракта. Администрация не несёт ответственности за выбор приёмника».

Я перечитал два раза.

— Тысяча лет? — переспросил я. — Где я найду существо с тысячью лет жизни? На Земле? Тут даже слоны живут семьдесят, а черепахи — двести!

— В условиях не указано, что существо должно быть согласно, — заметил Вел, почёсывая лапкой за ухом. — Только что оно должно иметь резерв. А списание сорока—шестидесяти лет для существа с тысячью лет запаса — это как для тебя потерять десять рублей. Оно даже не заметит.

— Ты предлагаешь мне найти бессмертное существо? На Земле? — Я нервно рассмеялся. — У нас официально нет магии. У нас вообще нет ничего бессмертного, кроме тараканов и налогов.

— Налоги — не существо, — серьёзно заметил хомяк. — Хотя идея интересная. Но налоговые инспекции не имеют биологической ауры. Нам нужно что-то живое. И очень, очень старое.

Мы помолчали.

— Слушай, — сказал Вел. — Давай подойдём к вопросу системно. Ты физмат. Составь список. Всё, что на Земле живёт дольше пятисот лет. Потенциально бессмертное. Мы проанализируем.

— Ты серьёзно?

— А у тебя есть другие планы на оставшиеся пять лет жизни? — осведомился хомяк.

Я открыл ноутбук. Гугл. Первая строка: медуза *Turritopsis dohrnii* — «бессмертная медуза», способна возвращаться к стадии полипа.

— Медузы, — сказал я.

— Медузы, — с сомнением повторил Вел. — Какая у медузы аура? Спроси у своего Гугла про резерв жизненной энергии медузы.

— Гугл не знает про резерв жизненной энергии.

— Тогда какой смысл в этом Гугле? — фыркнул хомяк. — Ладно. Давай думать шире. Бессмертные существа бывают не только биологические. В вашем мире, по легендам, есть вампиры, призраки, боги... Ваш мир был магическим когда-то. Очень давно. Следы остались. Нужно просто копнуть глубже.

— То есть ты предлагаешь искать дракона? В Подмоскovie?

— Я предлагаю мыслить как бухгалтер, — сказал Вел. — Нам нужно существо с большим резервом и плохой отчётностью. Которое не заметит списания. По-твоему, это называется?

— «Списание на убытки», — машинально ответил я.

— Вот. Нам нужно списать твою жизнь на убытки бессмертного. Задача — найти такого бессмертного, у которого учёт хромает.

Я уставился на хомяка. Демон в теле грызуна только что объяснил мне мою проблему языком бухгалтерского учёта.

— Знаешь, — сказал я, — когда я поступал на физмат, я думал, что буду решать дифференциальные уравнения. А не искать бессмертных существ, чтобы списать на них украденную жизнь.

— Жизнь — это тоже дифференциальное уравнение, — философски заметил Вел, сворачиваясь клубочком на учебнике. — Только с краевыми условиями, которые постоянно меняются. Давай спать. Завтра начнём поиски.

Где-то в середине ночи хлопнула входная дверь. Колян вернулся. Он прошаркал по коридору мимо моей комнаты, что-то сонно буркнул и завалился к себе. Через пять минут за стеной уже ровно гудел его храп.

Я выключил свет и долго лежал, слушая, как за стеной храпит Колян, а на столе шуршит чем-то хомяк — мой фамилляр, мой приговор и, возможно, единственный шанс дожить до тридцати.

На салфетке, в самом низу, оставалось ещё несколько строк, которые я не заметил из-за плохого освещения. Они были написаны ещё более мелким почерком — почти микроскопическим.

Но это — уже история для следующей главы.

СПИСАНИЕ ЖИЗНИ

Глава 2: Инвентаризация бессмертных активов

Я проснулся от того, что кто-то сидел у меня на груди и дышал мне в лицо.

Открыл глаза. В тридцати сантиметрах от моего носа сидел хомяк и смотрел на меня немигающим взглядом. Его глазки-бусинки блестели в утреннем свете, как две чёрные стеклянные капли.

— Ты храпишь, — сказал Вел. — И во сне пытался меня придушить. Я оценил старание, но в следующий раз укушу. У меня зубы острые.

Я моргнул. Посмотрел на часы. Суббота, 7:15 утра.

— Ты разбудил меня в субботу в семь утра, чтобы сказать, что я храплю?

— Я разбудил тебя в субботу в семь утра, чтобы напомнить: у тебя осталось примерно пять лет жизни. Ты проспал восемь часов. Это 0,02 процента твоего оставшегося времени. Ты можешь позволить себе такую роскошь?

— Восемь часов сна — это не роскошь, это физиология.

— Физиология — это роскошь, когда у тебя минусовой баланс по жизням, — парировал хомяк. — Вставай. Нам нужно составлять список.

— Какой список?

Вел спрыгнул с моей груди на подушку, оттуда — на стол, и развернулся ко мне, сложив лапки на животе. Его любимая лекционная поза.

— Кандидатов в бессмертные, — сказал он. — Ты забыл? Вчера ночью мы выяснили, что твой контракт можно передать существу с резервом от тысячи лет. Я предлагаю начать инвентаризацию всех потенциально бессмертных объектов на планете Земля.

— Инвентаризацию?

— Ты физмат. Бухгалтерские термины тебе не чужды. Инвентаризация — это опись активов. Наши активы — это существа, которые живут достаточно долго, чтобы не заметить потери сорока-шестидесяти лет.

Я сел на кровати, потёр лицо руками. Хомяк смотрел на меня выжидающе.

— Ты серьёзно, — сказал я.

— Абсолютно. У тебя есть предложения получше?

Я подумал. Предложений получше не было.

Через десять минут мы сидели за столом: я с ноутбуком, Вел — на учебнике по линалу, и перед нами лежал чистый лист бумаги.

— Пиши, — сказал Вел. — Раздел первый: биологические кандидаты.

Я открыл гугл. Пальцы зависли над клавиатурой.

— Биологические... кто именно? Черепахи? Слоны? Киты?

— Начинай с того, что живёт дольше всего. Потом будем сужать.

Я набрал: «самые долгоживущие животные на Земле».

Первая строчка: гренландская акула — до 500 лет.

— Гренландская акула, — сказал я. — Пятьсот лет.

Вел покачал головой.

— Аура? — спросил он. — Какая у акулы аура?

— Откуда я знаю? Я не вижу ауры.

— А я вижу. Даже отсюда. У акулы аура — как у камня. Примитивная, замкнутая, без магической ёмкости. Она не сможет принять контракт. Дальше.

— Галапагосская черепаха. Двести лет.

— Био-несовместимость. Черепахи — холоднокровные. Их энергетическая структура не синхронизируется с человеческим контрактом. Дальше.

— Гренландский кит. Двести лет.

— Млекопитающее, теплокровное... — Вел задумался. — Аура есть, но слабая. И главное — кит не является юридическим лицом в магическом праве. Он не может подписать контракт. Дальше.

— Омар. До ста лет.

— Омар? — Вел фыркнул. — Ты серьёзно? Омар — это ракообразное с аурической ёмкостью, которой даже на бытовое заклинание не хватит. Дальше.

— Медуза *Turritopsis dohrnii*. Бессмертная медуза — она возвращается к стадии полипа и живёт циклически.

Вел замолчал. Потом сказал:

— Медуза... у медузы нет ауры. Вообще. Ей всё равно, сколько она живёт. Она не осознаёт время. Для передачи контракта нужно существо, которое способно быть стороной договора. Медуза не способна.

— То есть все биологические кандидаты — брак?

— Все, — подтвердил Вел. — У кого нет ауры, у кого нет юридической дееспособности, у кого магическая ёмкость как у напёрстка. Биология не подходит.

Я откинулся на спинку стула.

— И что тогда? Если биология не подходит, остаются только мифические существа. А их не существует.

— Ты уверен?

Я посмотрел на хомяка. Хомяк смотрел на меня.

— Ты — демон в теле хомяка. Ты существуешь. Значит, и другие могут существовать. Просто мы о них не знаем.

— Именно, — сказал Вел. — И это подводит нас к следующему разделу инвентаризации.

Я приготовил ручку. Вел помолчал, собираясь с мыслями.

— Раздел второй: мифические и исторические кандидаты. — Он посмотрел на меня. — Что ты знаешь об истории магии на Земле?

— Что её нет. У нас официально безмагический мир. Наука, физика, материализм — всё такое.

— Официально, — повторил Вел. — А неофициально? Легенды, мифы, сказки — откуда они взялись, по-твоему?

— Люди выдумывали, чтобы объяснить непонятное.

— Люди выдумывают то, что могут себе представить. А чтобы представить дракона, надо хотя бы раз услышать о драконе. Но откуда взялся первый дракон? Первый вампир? Первый бог?

Я открыл рот, чтобы ответить, и закрыл. Об этом я как-то не задумывался.

— Очень давно, — сказал Вел, — до того, как пришли люди, на Земле жили другие. Не люди. Не звери. Нечто, что умело пользоваться магическим фоном так же естественно, как ты дышишь. Они были здесь хозяевами. А потом пришли люди — и магия начала угасать.

— Почему?

— Никто не знает. Есть теории: люди — это «антимагическая» раса, их присутствие подавляет фон. Или магия просто закончилась, как ресурс. Или те, другие, ушли сами. — Вел пожал плечами — насколько хомяк способен пожать плечами. — Но некоторые из них могли пережить всё. Даже исчезновение магии.

Я переваривал эту информацию. Демон-хомяк только что рассказал мне, что до людей на Земле жили магические существа и некоторые, возможно, до сих пор живы.

— Где они? — спросил я. — Если они пережили исчезновение магии, они должны быть где-то здесь. На планете. Почему мы их не видим? Почему наука их не нашла?

Вел молчал. Долгую, тягучую секунду, в течение которой я успел передумать всё.

— Спят, — сказал он наконец. — Если верить архивным данным моего департамента, некоторые из них всё ещё здесь. Просто очень глубоко. И очень крепко.

— Где глубоко?

— Под землёй. В океане. В местах, куда человек не добрался или добрался, но не понял, что увидел.

— И мы можем их найти?

Вел посмотрел на меня. В его глазках-бусинках мелькнуло что-то, чего я раньше не видел. Не страх. Не надежда. Предупреждение.

— Можем, — сказал он. — Вопрос не в том, можем ли мы их найти. Вопрос в том, проснутся ли они, когда мы их найдём. И что они сделают, когда проснутся.

СПИСАНИЕ ЖИЗНИ

Глава 3: Медузы, акулы и прочий брак

В читальном зале университетской библиотеки было тихо, тепло и пахло старыми книгами. За окнами — серое ноябрьское небо. Внутри — ряд столов, зелёные лампы и ни одного свободного места, кроме моего, потому что рядом со мной на стуле лежал рюкзак, из которого периодически доносилось шуршание.

— Шевели усиками, — шепнул я, не поворачивая головы. — Ты привлекаешь внимание.

Из рюкзака донёсся возмущённый шёпот:

— У хомяков нет усиков. Есть вибриссы. И если ты ещё раз назовёшь меня плюшевым, я укушу тебя за палец, и ты не заметишь пропажу фаланги из-за общего дефицита жизней.

— Я не называл тебя плюшевым. Я сказал «шевели усиками».

— Это синоним в твоём человеческом восприятии. Для меня — оскорбление.

Я вздохнул и вернулся к ноутбуку. На экране была открыта таблица. Колонки: «Вид», «Максимальная продолжительность жизни», «Аурическая ёмкость», «Юридическая дееспособность в магическом праве», «Вердикт».

Заполнено было только в колонке «Вердикт». Во всех строках стояло одно слово: «Брак».

— Может, мы упустили кого-то? — спросил я шёпотом. — Губки? Они живут по десять тысяч лет. Кораллы?

— Губки — это животные без нервной системы. У них нет ауры. Следующий.

— Тихоходки? Они экстремофилы, живут в космосе...

— Тихоходка размером с пылинку. Её аурическая ёмкость — как у одной молекулы. Мы не можем передать контракт молекуле, Паша.

Я закрыл таблицу. Посмотрел в окно. Серое небо нависало над городом, как потолок в бетонном подвале.

— И что теперь? — спросил я.

Из рюкзака высунулась рыжеватая мордочка.

— Теперь — думать дальше. Биология — тупик. Нам нужно нечто, что не просто живёт долго, а способно быть стороной контракта.

— То есть разумное бессмертное существо.

— Именно.

— Которых, как мы выяснили, на Земле нет.

Вел посмотрел на меня. В его взгляде было что-то странное. Как будто он знал то, чего не говорил.

— Давай посмотрим правде в глаза, — сказал я. — Биология — брак. Мифические существа — сказки. Религия — не мой профиль. У нас пустой список.

— Не пустой, — поправил Вел. — Незаполненный. Разница есть.

— Какая?

— Пустой — это когда ничего нет. Незаполненный — когда данные ещё не внесены. Ты путаешь отсутствие информации с отсутствием объектов. Базовая ошибка начинающего аудитора.

— Я не аудитор. Я студент физмата, у которого украли двадцать девять лет жизни.

— Тем более. Ты должен мыслить системно. — Вел высунулся из рюкзака по пояс. — Смотри. У тебя есть критерии отбора. Ты их применил к биологическим видам — и получил брак. Это не значит, что кандидатов нет. Это значит, что ты искал не в той категории.

— В какой категории мне искать? В мифической? В религиозной? Я в бога не верю.

— В бога — не надо. В богов — может быть. — Вел почесал лапкой нос. — Твоя проблема, Паша, в том, что ты мыслишь как человек двадцать первого века. Наука, факты, доказательства. А мир устроен сложнее.

— То есть ты предлагаешь мне поверить в драконов?

— Я предлагаю тебе рассмотреть возможность того, что драконы существовали. Не как миф — как биологический вид с магической составляющей. Который мог не вымереть, а уйти в спячку.

— Звучит как бред.

— Звучит как гипотеза, — поправил Вел. — А гипотезу надо проверять. Ты физмат или кто?

Я вздохнул. Вел был прав. Гипотезу надо проверять. Даже если она звучит как бред.

Но как проверять гипотезу о существовании драконов, если у тебя нет ни магии, ни приборов, ни денег, а единственный источник информации — хомяк-демон в рюкзаке?

— Допустим, — сказал я. — Допустим, драконы существовали. Допустим, некоторые ушли в спячку. Где мне их искать? В лесу? В горах? Под Москвой?

— Хороший вопрос, — одобрительно сказал Вел. — Но ты спрашиваешь не там. Ты спрашиваешь как обыватель, а не как исследователь. А ты — исследователь. Иначе не поступил бы на физмат.

— А где надо?

— Надо спрашивать не «где», а «когда». Когда магия на Земле была сильнее всего? Когда эти существа могли жить, не прячась?

— Я не историк. Я физмат.

— Тем лучше. Физики думают категориями времени и пространства. Магия на Земле угасала постепенно. Чем дальше в прошлое — тем выше фон. Значит, следы магических существ должны сохраниться в древних текстах, в легендах, в артефактах.

— То есть мне нужно стать археологом?

— Нет. Тебе нужно стать исследователем. Открыть гугл и начать копать.

Я посмотрел на экран ноутбука. На таблицу, где во всех строках стояло «Брак». На пустые колонки.

— Вел, — сказал я тихо. — А если мы ничего не найдём? Если никаких бессмертных существ на Земле нет и не было? Что тогда?

Вел молчал.

— Тогда, — сказал он наконец, — у тебя останется пять лет. И мы проведём их вместе. Я буду сидеть у тебя на груди по утрам и говорить, что ты храпишь. А ты будешь ходить на пары, сдавать экзамены и делать вид, что всё нормально. А потом — ничего.

Я смотрел на него. Хомяк смотрел на меня.

— Это не вариант, — сказал я.

— Знаю. Поэтому давай искать дальше.

Я закрыл таблицу. Открыл гугл. Набрал: «самые древние мифы о бессмертных существах».

Первая ссылка: «Список бессмертных существ в мировом фольклоре». Я открыл.

Список оказался длинным. Драконы, василиски, фениксы, единороги, кентавры, сирены, гарпии, йети, чупакабры — и это только начало. Дальше шли сотни других названий.

— Тут сотни позиций, — сказал я. — Мы будем проверять каждую?

— Нет, — ответил Вел. — Потому что это бесполезно.

— Почему? Ты сам сказал — гипотезу надо проверять.

— Гипотезу — да. Список фольклорных существ — нет. Потому что большинство из них — выдумки. Люди любят придумывать монстров. Это часть культуры. Отделить реальное от вымышленного по текстам из интернета невозможно.

— И что ты предлагаешь?

Вел высунулся из рюкзака, оглядел читальный зал — никого, кто смотрел бы в нашу сторону, — и сказал тихо:

— А знаешь, есть ещё один вариант. Я не хотел о нём говорить, потому что он... опасный.

Я замер.

— Опасный — в каком смысле?

— В прямом. Если мы пойдём по этому пути — обратной дороги может не быть.

— Вел, у меня осталось пять лет жизни. Если я не найду бессмертное существо для передачи контракта — обратной дороги тоже не будет. Так что выкладывай.

Вел помолчал. Потом сказал:

— Если биология не подходит, если мифы — это фольклор, может, стоит поискать в тех местах, куда не ступала нога современного человека.

— То есть?

— Под землёй. Там, где магический фон никогда не падал до нуля. Точки, где старые существа всё ещё дышат.

— Но если мы их разбудим, — сказал я, — мы можем разбудить не то, что ищем.

Вел посмотрел на меня с удивлением.

— Ты начинаешь думать. Это хорошо. Да, мы можем разбудить не то, что ищем. Эти точки — не музеи. Там нет табличек с пояснениями. Под землёй может быть всё что угодно. От безобидного древнего гриба до существа, которое в последний раз просыпалось, когда по Земле ходили динозавры, и было очень недовольно тем, что его разбудили.

— Откуда ты всё это знаешь? — спросил я. — Про точки, про магический фон, про существ под землёй? Ты — демон в теле хомяка, сосланный на Землю. Откуда у тебя такие детальные данные?

Вел вздохнул. Не театрально, а по-настоящему тяжело. Для хомяка это звучало как «фффф».

— Потому что я здесь не первый раз, — сказал он. — Меня уже ссылали на Землю. Однажды. Двести лет назад.

Я моргнул.

— Двести лет?

— Восемнадцатый век. Европа. Я был... ну, скажем так, я был не в теле хомяка. В прошлый раз у меня было тело получше. Человеческое. Французское. С париком.

— Ты был французом?

— Я был демоном в теле француза. Это разные вещи. Но суть не в этом. Суть в том, что в прошлую ссылку я уже искал эти точки. Для других целей. Искал — и не нашёл. Тогда мне не хватило времени. Меня отозвали раньше.

— А сейчас?

— Сейчас у меня есть ты. У тебя — пять лет жизни, физматовский склад ума и ноутбук с гуглом. А у меня — опыт и знание, где искать. Вместе мы можем найти то, что я не нашёл двести лет назад.

В комнате повисла тишина. Я смотрел на хомяка. Хомяк смотрел на меня. За окном серое небо давило на город, как бетонная плита.

— И где мы ищем первую точку? — спросил я.

Вел помолчал. Потом сказал:

— Кольский полуостров. Сверхглубокая скважина. Там, где бурильщики в семидесятых слушали, как дышит земля.

— Откуда ты знаешь про бурильщиков?

— Я читал твою историю поисков. Заметка 1975 года, профессор Зацепин, «аномальные звуки на глубине 7 км». В той заметке — координаты. Я их запомнил.

— И ты думаешь, там — точка?

— Я знаю, что там — точка. Вопрос только в том, что именно там спит. И захочет ли оно проснуться.

Вел замолчал. Я тоже молчал. В библиотеке было тихо, тепло и пахло старыми книгами. А за окном, в сером ноябрьском небе, мне почудилось что-то огромное, дышащее где-то глубоко под землёй, в семи километрах от поверхности.

— Кольский, — сказал я. — Значит, едем на Кольский.

— Едем, — подтвердил Вел. — Но сначала нам нужно кое-что сделать.

— Что?

— Найти того Зацепина из заметки. Профессора МГУ, который в 1975 году первым услышал эти звуки. — Вел помолчал, прикрыв глаза. — И знаешь, Паша... я чую его след.

— Откуда? Ты же его никогда не видел.

— Не видел. Но я чувствую отпечаток, который он оставил. На той самой салфетке, что нашёл ты. Она побывала в его руках — точнее, частично активировала ритуал и оборвала его на середине. Такой след не выветривается десятилетиями. Он жив. И он знает о точке больше, чем написал в газете.

— Ты уверен?

— Я — демон. Чуть ауры — моя работа. Даже через бумагу.

Я посмотрел на салфетку во внутреннем кармане куртки. Она была обычной — клетчатой, засаленной, с пятном от борща. Но теперь мне казалось, что от неё исходит едва уловимое тепло.

— И он ждал нас? — спросил я.

— Этого я не знаю, — честно ответил Вел. — Но человек, который тридцать пять лет назад нашёл салфетку и не решился провести ритуал до конца, — он либо забыл о ней, либо ждал, что однажды найдётся тот, кто не побоится. Узнаем при встрече.

СПИСАНИЕ ЖИЗНИ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.